

оказывается совсем таким же как и у Никифора: ἄνδρες.

Приведенные примеры, таким образом, достаточно наглядно позволяют ощутить важность выявления семантических ассоциаций и фиксации их в критическом аппарате рецензируемой публикации. Это особенно актуально в связи с наблюдаемым в последнее время в византиноведении стремлением к новому подходу к памятникам византийской литературы, более глубокому их переосмыслению⁸, а также если учесть, что вплоть до недавнего времени панегирик Феодисия рассматривался исключительно как источник по внешней политике Византии (в частности, по арабо-византийским отношениям); теперь же сам Крискуоло предпринял попытку анализа этого памятника в более широком культурно-исто-

рическом контексте византийской истории. Этому в немалой степени способствуют и сам принцип подхода к изданию текста, и большое количество индексов, обширный критический аппарат.

В заключение — несколько замечаний относительно неточностей аппарата: *Theod.*, 68: доп. Deut 14.17; *Theod.*, 154: доп. Eur., Bach., 1019; *Theod.*, 904—905: доп. P. S. 103: 18; *Theod.*, 310: ἐπεὶ δὲ ποιῆς ἐξέπληρώθε στόμα; не согласен с аллюзией на P. S., 70.8. Крискуоло считает, что здесь «στόμα» означает «рот», тогда как Панайотакис совершенно справедливо полагает, что речь идет «о яме», наполненной трупами убитых арабов (ср.: *Theod.*, 241, 242, 249). При этом выражение «πίμπλημι τὸ στόμα» в значении «наполнить ров» встречается у Геродота (*Her.*, 7.37).

Дополнения к Notabilia Varia (p. 40.41):

к аллитерациям:	814	πλῆθος — δεκαπλῆς
	243—245	τόπος — τόπων
	255—257	κράτος — δημοκράτωρ
	274	*Ρώμης — *Ρωμανέ
	494	κεκαρμένης κάρας
	835	ἐμπτερωθέν — ἀπτερώς
	986	ἄσιλον — ἐσιπλώμενον
	963	κλεινός — κλάδος
к анафорам	616—619	καί — καί — καί
	894—895	τοσοῦτον αὐτός — τοσοῦτον αὐτός
	951—952	μη τοῖς λόγοις — μη τοῖς κτύποις
к анастрофе	299	ξίφους χωρίς
	832	πατρῶν ἅμα
к гексаметру	210	βάσιν καὶ στάσιν.

Н. И. Сериков

⁸ См.: Beck H.-G. Op. cit.; Аверинцев С. С. *Поэтика ранневизантийской литературы*. М.: Наука, 1977, с. 3; Любарский Я. Н. Михаил Пселл: Личность и творчество. М.: Наука, 1978. Мнѣ

осталась недоступной работа: Crisculo H. Aspetti, Letterari e stilistici del poema «'Αλωσις τῆς Κρήτης» di Teodosio Diacono. — Atti della Accademia Pontaniana, 1979, 28.

⁹ Α. Καραγιάννης. Συμβολή στη μελέτη τοῦ βίου καὶ τοῦ ἔργου τοῦ Ἰωάννη Μαυρόποδος. *Ἰωάννινα*, 1979. 274 σ.*

Новая публикация сочинений Иоанна Мавропода и создание современного исследования о его творчестве — одна из насущных задач византиноведческой науки. Существующее издание¹ сделано из одной рукописи и давно перестало удовлетворять требованиям специалистов. Что касается работ о Мавропode, то большинство из них посвящено частным проблемам; к тому же появились они еще в довоенное время и потому не учитывают изданного перед самой войной собрания писем Михаила Пселла², содержащих немало сведений о его учителе Иоанне Мавропode. Уже последнее обстоятель-

ство делает многие существующие исследования по меньшей мере недостаточными.

Книга греческого ученого А. Карпозилоса по сути дела первое монографическое изучение жизни и деятельности ученого, риторика, педагога, поэта и митрополита Иоанна, подводящее итог почти вековым усилиям специалистов. Автор стремится восстановить жизненный путь писателя и рассмотреть все представленные в его творчестве жанры, за исключением разве гимнов³. В отдельных главах в книге разбираются биография, эпиграммы, письма и речи писателя; каждая из последних трех глав начинается с рассмотрения рукописной традиции, продолжается наблюдениями над отдельными произведениями и заканчи-

* См. также далее аннотацию Р. М. Бартикача (с. 280—281).

¹ *Iohannis Euchaitorum metropolitae quae in codice Vaticano graeco 676 supersunt* / Ed. P. de Lagarde, J. Bollig. — *Abhandl. der histor.-philolog. Klasse der Königl. Gesellschaft der Wissenschaften zu Göttingen*, 28 (1882).

² *Michaelis Pselli Scripta minora* / Ed. E. Kurtz, F. Drexler. Milano, 1936—1941, I—II.

³ Такое исключение оправданно, поскольку относительно недавно опубликовано издание мавроподовских гимнов, сопровождающееся и научным исследованием, см.: *Follieri E. Giovanni Mauropode. Otto canoni paracletici a N. S. Gesù Cristo*. Roma, 1967 (*Archivio italiano per la storia della pietà*, V).

вается некоторыми общими замечаниями, главным образом о стиле писем и речей. Такой тип построения работы вполне привычен для исследований о византийских писателях и освящен традицией изучения литературы по жанрам, идущей от К. Крумбаха к Х.-Г. Беку и Г. Хунгеру (имеются в виду, естественно, общие курсы византийской литературы этих ученых). Традиционный «угол зрения» и, как его следствие, традиционная композиция книги определяет, с нашей точки зрения, и ее достоинства, и недостатки. К несомненным преимуществам исследования в первую очередь относятся систематичность и относительная полнота охвата материала.

Прежде всего, о биографии Мавропода. Уже простое сравнение версий жизненного пути митрополита евхаетского — представленной в известном обобщающем труде Бека⁴ и предложенной в рецензируемой книге — выявляет значительное их расхождение. Бек датирует смерть Мавропода, например, «вскоре после 1054 г.», Карпозилос же считает, что писатель был жив еще в 80-х годах XI в. Пребывание в монастыре Иоанна Предтечи в Петре Бек помещает после 1044 г., а Карпозилос — после 1075 г. и т. д. Эти и другие датировки автора рецензируемой книги представляются нам обоснованными. Заслуга ученого состоит не столько в установлении новых фактов и датировок (хотя в книге встречаются и те и другие), сколько в большой систематизаторской и научно-критической работе. Учитывая всю имеющуюся литературу вопроса, в том числе и на русском языке, перебирая уже высказанные до него гипотезы, греческий ученый, как правило, выбирает наиболее соответствующую сохранившимся свидетельствам. Рецензенту приятно констатировать, что версия биографии Мавропода, принятая в книге, только в деталях не совпадает с ранее предложенной им схемой⁵.

Принцип, избранный Карпозилосом для систематизации и изучения эпиграм, тематический. Последовательно разбираются эпиграммы по поводу церковных праздников и св. икон, эпиграммы — «предисловия», эпиграммы, обращенные к Константину Мономаху, к царицам Зое и Феодоре, надгробные эпиграммы, эпиграммы автобиографические. Карпозилос предлагает толкования, датировки, уточняет смысл отдельных стихотворений, с завидной полнотой учитывает и критически оценивает мнения своих предшественников. Однако в общей оценке поэтического творчества Мавропода автор исходит из пессимистических презумпций, утверждая (уже в самом начале главы), что писатель «не проявляет никакой оригинальности и существенно не отличается от других эпиграмматистов,

особенно Христофора Митилеского». Не станем спорить с ученым — для опровержения его точки зрения потребовалось бы специальное литературоведческое исследование творчества поэтов. Укажем лишь на умозрительность и заданность высказанного взгляда, опирающегося скорее на привычные шаблоны в оценке византийской литературы, нежели на реальное изучение стихов. Явно бьет мимо цели и сопоставление Мавропода (в защиту тезиса о неоригинальности его поэзии!) с Христофором Митилеским — одним из наиболее своеобразных стихотворцев в византийской литературе.

Письма Мавропода группируются и рассматриваются Карпозилосом по их адресатам (среди них — Михаил Пселл, Иоанн Ксифилин, Константин IX Мономах, Михаил Кируларий и др.). Трудности, связанные с исследованием эпистолографических собраний византийцев, хорошо известны специалистам. Высший тон, нарочитая риторизация стиля превращает чтение многих посланий в настоящую дешифровку. Рассмотрение эпистолографического наследия Мавропода усложняется еще и отсутствием имен адресатов, о которых можно догадываться по внутренним свидетельствам самих писем. Для идентификации адресатов исследователь должен проявить немало хитроумия и догадки и в то же время не впасть в соблазн создания «романа в письмах», базирующегося на необоснованных отождествлениях и произвольном додумывании. Но и результаты работы «дешифровщиков» византийских писем часто оказываются весьма впечатляющими: «пустые» и веле-речивые послания «вдруг» наполняются реальным содержанием и смыслом. Особым «везением» оказываются случаи, когда удается составить пары или даже группы писем, связанных между собой по содержанию и являющихся ответом или реакцией одно на другое. Такие удачи есть и у автора книги, доказывающего, например, что письмо Пселла № 105 (по изданию Курца—Дресля) является ответом на письмо Мавропода № 100, письмо Пселла № 33 (из того же собрания) — на послание Мавропода № 132, а письмо № 34 — на послание Иоанна № 150. Предположения эти вероятны, хотя и не могут еще считаться установленным фактом. Вспомним, что до нас дошла, видимо, незначительная часть эпистолографического наследия Иоанна Евхаетского; так, например, по данным самого Карпозилоса, только четыре письма адресованы им Пселлу за почти двадцатилетний период пребывания в Евхаите. Вполне вероятно, что среди утерянных писем могли находиться гораздо более подходящие к пселловским посланиям.

Последняя глава книги трактует проблемы, связанные с речами Мавропода, каждой из которых посвящен специальный раздел. Завершающий из них — «Мавропод как ритор» — предлагает определенную оценку качеств Иоанноратора, сделанную с позиций византийской риторической теории.

⁴ Beck H.-G. Kirche und theologische Literatur im byzantinischen Reich. München, 1958, S. 555 ff.

⁵ Любарский Я. Н. К биографии Иоанна Мавропода. — Byzantinobulgarica, 1973, 4.

Систематичность и четкость расположения материала в книге сделают ее содержание доступным и легко обозримым для читателя и будущего исследователя Иоанна Евхаитского.

В то же время избранный «угол зрения» накладывает на исследование греческого учебного значительные ограничения. Биография любого человека, а тем более ученого и поэта, в том числе византийского, не только даты рождения и смерти, не только послужной список и перечисление территориальных перемещений, но и мысли, настроения, чувства. Слов нет, византийцы, особенно риторически образованные, преуспели в науке скрывать свой внутренний мир от посторонних глаз. Есть, однако, и весьма редкие исключения, одно из которых — Иоанн Мавропод. Нельзя забывать и того, что образ Иоанна Евхаитского отражился в корреспонденции Пселла. Сочетание изображений «в двух проекциях» дает возможность приблизиться к истинному облику Иоанна. Тем не менее Карпозилос, следуя традиционному методу, биографию рассматривает отдельно от творчества, а творчество разбивает по жанрам, почти не делая попыток сопряжения сочинений различных жанров и всего творчества с личностью⁶. А между тем они представляют в этом случае удивительное единство (при всех риторических

клише и традиционных мотивах в литературных произведениях). Иоанн Мавропод — тонко чувствующий, склонный к рефлексии и самоуглублению, не очень ловкий в придворном обхождении, бегущий внешнего блеска и суеты, старающийся последовательно придерживаться собственных принципов и обладающий известной долей независимости и даже смелости, самым своим образом противоречит представлению о некоем «усредненном» византийце, которое имеет еще хождение в популярной, а иногда и специальной литературе. Таким он предстает и в своих стихах, и в своих письмах, и в сочинениях Пселла.

Если рассмотреть творчество поэта не только как образец использования тех или иных традиционных жанровых приемов, но и как историко-культурное явление, как собрание, объединенное личностью писателя, можно, видимо, ожидать новых и даже неожиданных выводов. Личность же и творчество Мавропода как историко-культурное явление заслуживает самого пристального внимания уже хотя бы потому, что Иоанн — учитель и наставник гениального Пселла.

Итак, византизм обогатилось исследованием, обойти которое уже будет нельзя ни издателям, ни будущим исследователям Мавропода. Вместе с тем автор прав, назвав свой труд «К изучению жизни и творчества Иоанна Мавропода». Само изучение — дело будущего.

Я. Н. Любарский

⁶ Изолированные наблюдения о характере личности Мавропода содержатся в разделе о стиле его писем (с. 183 сл.).

Т. А. Измайлова. Армянская миниатюра XI века. М.: Искусство, 1979. 238 с.

До сих пор армянская миниатюра XI в. была очень мало изучена. Были описаны лишь отдельные рукописи (Г. Овсепян, М. Чанаян) или охарактеризовано несколько миниатюр этого периода (Л. А. Дурново, К. Вейцман, С. Дер-Нерсесян), да и то в общем аспекте исторической эволюции армянской миниатюры.

Поэтому мы с нетерпением ждали публикации основных материалов армянской миниатюры XI в. Специалисты были знакомы с главными тезисами монографии Т. А. Измайловой «Армянская миниатюра XI века» — они публиковались в автореферате докторской диссертации и многочисленных статьях. Но все они, собранные вместе, дополненные новыми данными и замечаниями, расширенные и уточненные, дают нам полное основание считать, что мы уже имеем почти целостную картину школ, иконографии и стиля армянской миниатюры XI в., за исключением не дошедшего до нас богатого рукописного наследия, созданного при дворе армянских царей Багратидов и Арпрунидов.

Монография состоит из следующих глав: «Армянская миниатюра до XI века», «Армянская миниатюра первой половины XI века», «Армянская миниатюра середины XI века. Школа Малой Армении», «Армянская миниатюра второй половины XI века. Анийская школа», «„Византизирующие“ армянские рукописи и приносящие к ним фрагменты», «Две

рукописи второй половины XI века, исполненные за пределами Армении», «Заключение».

Исторический фон служит исходным пунктом для автора. Однако в арменоведении пока не выяснены исторические вопросы, связанные с эстетическим подходом авторов V—VII вв., начиная с «Речей» («Ачахапатум»), приписываемых Григорию Просветителю или Месропу Маштоцу. Лишь предположительно можно установить, что эллинистические элементы в армянских фрагментах фресок и концевых миниатюрах (VII в.) Эчмиадзинского евангелия 989 г. унаследованы не от армянской языческой культуры, а от раннехристианской культуры соседних народов (сирийцы, кошты и каппадокийцы). Однако система изобразительного языка основывается на подлинно восточной традиции, которой присущи плоскостность и статичность при необычной живости живописного слоя и деталей (глаза, жесты и т. д.), а элементы эллинистической традиции органично вплетены в ткань миниатюрной живописи.

В первой главе на основе опубликованных до сих пор монографий и статей (Ф. Маклер, К. Вейцман, С. Дер-Нерсесян, Л. А. Дурново) прослеживается путь становления раннехристианской миниатюры. Автор вслед за Дурново и Дер-Нерсесян считает устаревшим тезис о раннем христианском искусстве как иконоборческом, «т. е. не допускавшем